

КОНСТАНТИН
СТОГНИЙ

ПАНГАПУ
или
**СТАТУЭТКА
БОГИНИ КАЛИ**

Константин Петрович Стогний

Пангапу, или

Статуэтка богини Кали

Серия «Заглянувший за горизонт»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22027966

Пангапу, или Статуэтка богини Кали / Константин Стогний: Фолио;

Харьков; 2016

ISBN 978-966-03-7501-7, 978-966-03-7510-9

Аннотация

Документальные книги известного украинского журналиста и телеведущего Константина Стогния знают не только в Украине, но и далеко за ее пределами. О его легендарных экспедициях на Северный полюс, в Сомали, Афганистан, Ирак, на Тибет и в район Непала Мустанг сняты фильмы. Все эти путешествия связаны с невероятными открытиями и научными находками, поэтому имеют несколько мистический характер. Однако мистику нельзя смешивать с документами. В книге «Пангапу, или Статуэтка богини Кали» автор впервые решил поделиться тем, что осталось за кадром, выбрав художественную форму. Но чтобы неподготовленного читателя не накрыл водопад уникальной, невероятной информации, автор начал описывать путь своего героя с вещей простых – с удивительной экспедиции к островам

Океании, где судьба свела его с вождями племени людоедов, основной религией которых является карго-культ, и с красавицей Пиакор...

Содержание

Глава 1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Константин Петрович Стогний Пангапу, или Статуэтка богини Кали

© К. П. Стогний, 2016

© К. П. Стогний (правообладатель), иллюстрации,
2016

© Л. П. Вировец, художественное оформление, 2016

© Издательство «Фолио», марка серии, 2016

*Книгу посвящаю своему деду, которого я никогда
не видел.*

*Лавров Василий Иванович ушел на войну
22 июня 1941 года...*

Поросенок верещал и вырывался. Он был привязан к колышку за заднюю ногу почти у самой воды. Визг разносился в отдаленные уголки джунглей и возвращался обратно тихим эхом.

За кустами сидело четверо охотников.

– ...Повторяю еще раз: главное – неожиданность. По моему сигналу выскакиваем, нападаем... Все зарядили? – лидер группы разговаривал полупшепотом, мужчины в ответ кивали молча. Он продолжал свои наставления: – Вчетвером мы с ним не справимся, поэтому предупреждаю еще раз: стреляем только в пасть. Не вздумайте кожу попортить!

– А что, в голову нельзя? – самый молодой участник сафари заметно нервничал, пальцы выстукивали дробь на прикладе карабина.

Этот вопрос снял всеобщее напряжение, мужчины тихо засмеялись. Старший продолжил:

– Нет, ну вы видели? Охотник за бабочками! Я тебе сто раз говорил – ему наплевать на твою «пухкалку». У него такие пластины на голове, что пока ты их прострелишь – он тебя сожрать успеет.

Смех усиливался. Старший нахмурился.

– Тс-с-с. Чего ржете? В первый раз, что ли? Все! Разбежались по кустам!

Мужчины быстро рассредоточились в укрытия вокруг мест приманки, где продолжал верещать поросенок двух месяцев от роду.

– Эх, эта свинья... Козленка бы! Да где ж его взять? На проклятом острове даже коров нет, – пробурчал старший.

Вдруг к нему подошел проводник, который наблюдал за диалогом охотников чуть поодаль.

– Маста Дик, Тонга думает, что не нужно этого делать.

Дик взвился:

– Ты еще тут! Марш отсюда!

– Ты же сказал, что вы – туристы! А так я не согласен.

У Дика заиграли желваки.

– Ты денег хочешь?

Тонга замялся. За это путешествие через джунгли Дик обещал столько денег, что ему, его жене Майе и четверым ребятишкам хватило бы на полгода. Но все же дикие племенные корни и суеверный страх брали верх над потомком туземки и белого мужчины.

– Маста Дик, духи обидятся! Не надо!

Это окончательно вывело Дика из себя.

– Я тебе что сказал, обезьяна? Сорвешь охоту – я тебя самого на куски порублю!

Мангровые заросли у побережья внезапно всколыхнулись от ветра, спугнув стаю мелких птиц. Дик оглянулся в сторону партнеров и сделал им жест рукой: «Будьте готовы!»

– Все! Идет!

Испуганный Тонга быстро исчез за деревьями. Мужчины сосредоточенно наблюдали за поросенком, который, чуя неминуемую гибель, завизжал еще громче. В нескольких

метрах от него, в воде, появилась громадная голова хозяина побережья – большого гребенчатого крокодила.

– Вот он! – Дик покраснел от возбуждения.

Гигант неторопливо стал подплывать к берегу, как будто понимая, что добыча привязана и никуда от него не денется.

– Ну, иди сюда, малыш, иди... – рука Дика крепко, до белизны костяшек, сжала цевье винтовки. Крокодил вот-вот доберется до поросенка. – Пора!

– Пошли! – громко крикнул Дик, и браконьеры выскочили из укрытий с карабинами наперевес.

Как раз когда крокодил ухватил несчастного поросенка, он получил сильный удар бамбуковой палкой по голове, но добычу не выпустил. Назойливый охотник стал бить его по глазам, то и дело отскакивая назад. Наконец он добился своего. Крокодил выпустил уже мертвого кабанчика и, раскрыв пасть, кинулся на обидчика. Грянул мощный залп сразу нескольких крупнокалиберных винтовок. Крокодил остановился на секунду, а затем с удвоенной яростью двинулся к людям. Отступая назад, они продолжали стрельбу. Выпуская полный боезапас магазинов и вновь перезаряжая. Где-то за кустами сидел их проводник Тонга и плакал, как ребенок.

Через пять минут все было кончено. Трехметровый крокодил лежал без движения на берегу небольшой речушки, где-то внизу впадающей в гнилое мангровое побережье океана, будто хозяин дома, убитый коварными и жестокими гостями.

... Три пустые бутылки из-под виски красноречиво указывали на вакханалию в честь добычи. Охотники, уже в изрядном подпитии, гордились собой и вожделили хруста столонларовых купюр от проданной крокодилъей шкуры.

– Нравится мне здесь. Надо будет еще когда-нибудь сюда приехать, – сказал Дик, отхлебывая из очередной бутылки и передавая ее следующему. – А как тебе наша охота, сынок?

Молодой охотник только пожал плечами в ответ, затем глубоко вздохнул.

– А с этим что будем делать?

В стороне лежало то, что осталось от гребенчатого крокодила. Шкура была снята и спрятана.

– Да сбросим обратно в реку. Пусть его родственнички поживятся. – Дик совсем расслабился. – Эй, Чита! То есть как там тебя... Тонга! Иди сюда, виски налью.

Угрюмый Тонга сидел поодаль и смотрел на пьяных европейцев исподлобья.

– Ну так что? Дать тебе денег или прощенья попросишь?...

Разговоры выпивших мужчин стали превращаться в какофонию. Смех, глупые шутки и обрывки историй из прошлого. Вдруг они услышали незнакомый голос.

Не сразу заметили, как из джунглей выступил незнакомец. Увидев его, Тонга сразу обхватил голову руками. Туземец продолжил речь на незнакомом языке, и охотники замолчали от неожиданности. Тонга решительно встал и начал пере-

ВОДИТЬ.

– Белые, вы пришли как враги! Убирайтесь отсюда!

Мужчины переглянулись, посыпались реплики:

– Это что за чучело?

– Обезьяна, только бесхвостая. Может, коала?

Пьяные мужчины засмеялись. Тонга в благоговейном трепете сообщил:

– Это – хули. С ним шутки плохи.

Пьяные браконьеры засмеялись еще громче. Низкорослый туземец, в полной боевой раскраске, с амулетами на шее и диадемой из перьев на голове, голый, в чем мать родила, стоял гордо и смотрел на браконьеров, что называется, сверху вниз.

– Вы пришли убивать не ради еды. Вы обидели джунгли. Вы будете наказаны! – туземец говорил спокойно, отчетливо произнося каждое слово. Гордый лесной житель чувствовал себя хозяином и не боялся ничего. – Уходите, белые, иначе пожалеете, что родились.

Пьяные охотники раззадорились еще больше.

– Ты кто такой? Клоун!

Туземец, казалось, не обращал внимания на издевательские реплики белых. Он просто не понимал их.

– Хули-меен сакод-ке иси мбаке! – его глаза сверкнули.

Тонга запнулся и с ужасом посмотрел на европейцев.

– Ну, переводи, черномазый! – разозлился Дик.

– Слово «хули» едино и неделимо!.. Маста Дик, надо уxo-

дить, а то они убьют нас, и не только убьют...

Из компании браконьеров вырвался злой толстый рыжий охотник.

– Да что мы с ним возимся! – Он, полон агрессии, кинулся к туземцу. – Что тебе нужно, недомерок?

Что произошло в следующую секунду, так никто и не понял. Громадный толстяк как подкошенный рухнул на траву, а туземец будто испарился – скрылся в джунглях.

– Макс, что с тобой?! – Дик подбежал к толстяку, лежавшему лицом вниз.

Тот не отвечал, зайдясь глубоким кашлем. Мужчины перевернули своего товарища. И – о ужас! В сонной артерии Макса торчал маленький дротик с перьями райской птицы на конце, из раны хлынула кровь. Мужчины почти протрезвели от страха...

– Бегом за ним! – вскричал Дик. – Шкуру с него содрать! Бегом!

Оставив на берегу реки труп крокодила, своего товарища, отходящего в мир иной, и перепуганного проводника Тонгу, трое браконьеров пустились в джунгли за маленьким демоном джунглей. Надо ли говорить, что они никого не нашли? Пробегав битый час по окрестностям, окончательно протрезвевшие охотники на крокодилов вернулись обратно. На пустом берегу их радостно встретил Тонга, если в данной ситуации можно назвать радостью избавление от ожидания.

– Надо уходить! Маста Дик, надо уходить!

– Сам знаю! – Дик остановился. – А где Макс?

Тонга как ни в чем не бывало собирал свои пожитки.

– Уплыл, вместе с духом реки.

Изумленные браконьеры переглянулись. Дик подскочил к Тонге и схватил его за шиворот холщовой рубашки.

– Ты... ты выбросил Макса на корм крокодилам?

– Надо уходить! Страшно будет! Больно будет! Послушай, маста Дик. Твоему другу все равно не помочь. Он переселился к предкам, пусть хоть духи реки насытятся. А нам – надо уходить...

Дик в замешательстве не знал, что ему делать. То ли бить этого мулата, то ли застрелить, то ли кричать... Но в следующую секунду все забылось само собой. Где-то в джунглях послышался мерный глухой ритмический стук. Лицо Тонги исказилось от страха.

– Поздно, маста Дик, воины хули идут сюда. Мы все умрем.

В воздухе повисла тяжелая в своем ужасе пауза. Отчетливый звук ударов, похожих на барабанные, становился все громче и громче. Друзья не знали, что делать. Смятение чувств на лицах. Дик вдруг заходил из стороны в сторону.

– Нет, подождите, подождите. Надо же что-то делать! Может, договориться? Двадцать первый век на улице... Это же...

– Здесь нет времени, – безапелляционно обрезал Тонга, – не нужно было убивать духа реки и сына леса.

Дик посмотрел на проводника как на сумасшедшего.

– Кто такой сын леса? Что ты несешь? Свинья?

– Матери хули выкармливают свиней своим молоком. Они тоже дети леса, дети хули... – резюмировал Тонга.

– Не знаю, кто кого и чем выкармливает, но мы будем защищаться! Приготовиться! Зарядить все, что у нас есть!..

... Не прошло и четверти часа, как на краю джунглей, у самой реки, появились люди. Их было много, и все они были нагие, в боевой раскраске, с луками, копьями и щитами. Браконьеры к этому времени уже залегли у реки. Тонга в стороне стоял на коленях и простирал руки к небу. Он молился. Стройные ряды туземцев сделали первый шаг.

– Огонь! – скомандовал Дик.

Три выстрела – и трое охотников на крокодилов стали охотниками на людей. Три аборигена упали замертво.

– Огонь!

Браконьеры били без промаха. Еще трое убитых. Вдруг туземцы остановились и затихли. Минута молчания придала уверенности европейцам.

– А теперь в атаку!

Мужчины встали и с устрашающим криком с винтовками в руках побежали в сторону папуасского войска. Войско вдруг затрясло копьями и щитами, затем как по команде село. Осталось стоять только трое дикарей в причудливых масках. Они подняли кверху какие-то большие ракушки и подули в них... В ту же минуту трое браконьеров грянули оземь

как подкошенные. Остекленевшие взгляды парней говорили о том, что они мертвы... Где-то поодаль, будто не слыша и не видя происходящего, продолжал молиться чернокожий проводник Тонга...

Глава 1

Виктор Лавров был одним из тех журналистов, о которых говорят: «Хемингуэя вызывали?» Старый, потертый, но опрятный костюм «сафари», прямой ироничный взгляд, большие и волосатые руки. Что еще нужно журналисту с двадцатилетним стажем? Мы проводим половину своей жизни, пытаясь казаться старше своих лет, а вторую половину – пытаюсь казаться моложе. Лавров находился ровно посередине. И правда, внешность Виктора волновала его лишь тогда, когда нужно было побриться и привести в порядок светло-русый ежик коротких волос. При кажущейся грубоватости – широких плечах и шее, похожих на плечевой пояс былинного богатыря из мультфильма, – любой психолог-физиологист сделал бы заключение: «Этот парень далеко не так прост, и на него можно положиться». Чтобы выделяться из серой массы журналистов, совсем не обязательно красить волосы в красный цвет и носить кольцо в носу. Достаточно просто не быть говном.

В Лаврове не было подлости очкариков от факультета журналистики. Беря у кого-то интервью, он никогда не оскорблял собеседника вопросом, а всегда, что называется, бил в десятку остротой своего природного ума. Но сегодня это ему вряд ли бы понадобилось. Он отправлялся в срочную командировку в Папуа-Новую Гвинею. Опустившись в крес-

ло лайнера, он задремал, впереди лежал долгий путь через океан.

Всего два дня назад Лавров прибыл из Индии, где снимал материал о кровавой богине Кали. Месяц путешествия по стране, где каждый день рискуешь подхватить малярию и где во избежание дизентерии лучше питаться продуктами, привезенными с собой, изрядно вымотал журналиста. Он даже не успел выспаться, как его вызвал к себе генеральный продюсер телеканала – Максим Радуцкий.

– Что ж, вижу, вижу, как творится история! – напускной пафос начальника не сулил ничего хорошего.

Эксклюзивные жалюзи и белый громадный ковер посреди кабинета. На рабочем столе воротилы масс-медиа стоял антикварный глобус. Максим взял его в руки и небрежным жестом привел в движение. И замелькали параллели и меридианы, океаны и моря.

– Эх, сколько мы с тобой изъездили, Витя. Правда?

«Только ты ездил отдыхать, а я работать...» – подумал журналист.

Виктор никогда не лебезил перед начальством, но и не говорил лишнего. Он четко усвоил еще от отца – беседуя с главным, нужно соблюдать дистанцию. Глаза как у собаки: все понимаю – сказать не могу.

Радуцкий вдруг резко поставил глобус на стол.

– Есть работа! Но, к сожалению, мы не можем повысить тебе зарплату.

– Ой, я и не прошу повесить. Но хотя бы чаще платить ее вы можете?

– Могу лишь порекомендовать положить ее перед зеркалом, тогда ее станет в два раза больше.

Когда начальник несет тупую чушь и спрашивает: «Пони-маешь?», лучше кивать головой, иначе снова придется слушать тупую чушь. Лавров вопросительно посмотрел на генерального.

– Нужно на недельку съездить, снять материал о папуасах Новой Гвинеи.

Виктор хорошо знал, что означает эта «неделька». Нико-гда не верь политикам, продавцам арбузов и телепродюсе-рам. В Индию он тоже ездил на пару дней. Очевидно, гене-ральные продюсеры считают по-другому: и земля у них вра-щается медленнее, и в сутках у них пятнадцать дней, коро-че, чтобы понять, как течет время у Радуцкого, голодным поставьте пищу на разогрев и сядьте перед микроволновкой.

– Готов ехать? – спросил Максим. – Мы тут совеща-лись... ну, пойми, правда, больше никому!

– Большинством голосов Белоснежка и семь гномов про-голосовали за секс при одном голосе против, – усмехнулся Виктор.

Думал ли он, во что выльется это путешествие? О том, что сикхские экстремисты Индии и кровавые убийцы свободных племен афганской Трейболерии – детский лепет на лужай-ке по сравнению с теми, с кем еще предстоит познакомиться-

ся? Мог ли предположить, что ему придется собрать весь свой жизненный опыт воедино, вспомнить навыки боевика одной из горячих точек и подчас руководствоваться просто животными инстинктами? Впереди было опасное приключение, полное тайн и загадок, а пока в окне иллюминатора, там, внизу, блестела водная гладь Тихого океана...

...Итак, Порт-Морсби, столица Папуа-Новой Гвинеи. Небольшой аэропорт на юго-востоке острова, субэкваториальный морской климат. По количеству населения город мог бы вполне посоревноваться с киевским районом Оболонь. Кроме того, здесь есть даже свой университет. А еще... восемьсот двадцать наречий и диалектов. Виктор бегло говорил на английском, который в ПНГ тоже был государственным, так что перспектива оказаться непонятым его не пугала. А напрасно. Первое же знакомство с местным языком оказалось неординарным. Проезжая в такси, Лавров увидел в окно довольно странную вывеску на английском: «Больной дом, где хозяйка собака». Благо машина остановилась на перекрестке, Виктор внимательно перечитал трижды. Он был настолько ошарашен, что последний раз прочитал вслух:

– Больной дом, где хозяйка собака...

– Сразу видно, что вы не местный, – подхватил разговор общительный чернокожий таксист.

– А я думал, что все-таки похож на папуаса, – в своем стиле ответил журналист, на что собеседник расхохотался.

– Да я не об этом, маста (на папуа не говорят «мистер», никогда). Вы прочитали: «Больной дом, где хозяйка собака».

– Ну да!

– А это не английский, это – ток-писин. Здесь... не знаю, как это будет на английском... Здесь лечат зверей.

– Ветеринарная клиника.

– Да, ветеринарная собака, – утвердительно ответил таксист.

«Вот и поговорили», – подумал Виктор...

Порт-Морсби поражает великолепием экзотических пейзажей, но Виктору Лаврову не до этого. Ему нужно найти телеканал EM.TV. «Удивительно неброское название для канала в стране, где еще употребляют в пищу человеческое мясо...» – очень литературно подумал журналист. И вот уже он стоит у многоэтажного здания в районе Бороко. Большое, угрюмое, неприветливое на вид, с множеством спутниковых антенн на крыше. Виктор, задрал голову, окинул взглядом это мрачное строение: «Вот уж действительно EM.TV. Интересно, я успел к завтраку?» От раздвижной стеклянной двери к улице полого спускалась широкая каменная лестница, люди, шедшие по ней, обтекали стоявший на пути стенд с этнической музыкой. У неширокого тротуара росли белые тропические цветы. Город был наполнен ароматами этих цветов и звуками летнего утра. Лавров обогнул торговца старыми CD и, напевая то, что услышал из колонки, вошел в здание

телеканала.

Поднявшись на четвертый этаж, Виктор увидел громадную эмблему телеканала EM.TV. Это была золотая райская птица на темно-синем фоне с созвездием Южного креста. Здесь за стеклянной дверью располагалась святая святых телеканала – NEWSROOM. Каждый, кто хоть чуть-чуть связан с телевидением, знает, что это – мозг канала, его основная движущая сила и его интеллектуальный центр. Здесь перед непосредственной отправкой в телевизионный эфир пишутся и монтируются новости. Здесь можно увидеть, так сказать, живьем тех, кого вы обычно видите по телевизору каждый день. Вот и сейчас Виктору была нужна звезда местного телевидения, «лицо канала», журналистка с именем, трудно произносимым и не очень легко читаемым с первого раза, – Пиакор Йоркамана.

Виктор хорошо помнил журфак, где он получал свое второе высшее. Студентки тихоокеанских островов выгодно отличались от остальных девушек университета: иссиня-черного оттенка волосы в мелкую кудряшку, нос картошкой, желтые белки глаз, оранжевые зубы, а кожа чуть темнее мандарина, пролежавшего в холодильнике всю зиму... Зато любовные страсти и воздыхания под луной не мешали учиться, поскольку их попросту не было.

Вот через несколько минут Виктор встретится с такой красавицей, и повеет беззаботным студенчеством – сладкое чувство ностальгии. К сожалению, жизненный опыт, интуиция и внутренний голос – это лебедь, рак и щука...

Что знал Виктор о Пиакор? Только то, что она заработала для телеканала уйму денег и что к ее мнению прислушивается сам генеральный директор EM.TV.

На рецепции Лаврова встретил маленький щупленький папуасик с большими влажными глазами, будто только что плакал. Забавная внешность совсем не вязалась с его характером. Довольно медлительный, он долго смотрел в удостоверение журналиста, пытаясь прочитать, что там написано.

– Украина – это где?

Виктор не удивился – другая точка земного шара. На его родине тоже не все знают, где находится Папуа-Новая Гвинея.

– Это рядом с Россией.

Папуасик продолжил изучение надписей в документе Лаврова. Видимо, с английским у него были проблемы.

– Это там, где Соединенные Штаты Америки? – наконец спросил служащий.

– Нет, это на другой стороне земного шара.

Виктор смотрел на хлопающего глазами офис-менеджера сверху вниз и пытался ему пояснить, добавляя жесты:

– Шара... земного. Планеты... Понимаешь?...

Офис-менеджер считает себя большим начальником. Он не доверяет белым людям – не понимает их, и это его раздражает. Виктор пытается продолжить беседу:

– Андрей Шевченко... Футбол...

Папуасик молчит и пристально смотрит на украинца. Виктор лихорадочно думает.

– Виталий Кличко... Бокс, бокс, – Лавров с завидной легкостью имитирует удары руками.

Та же реакция островитянина. Конечно, житель Папуа-Новой Гвинеи слышал и про футбол, и про бокс, но фамилии... А вы знаете, кто такой Матиас Кауаг, например? А Маори Кики не читали?... Так что папуасы с нами квиты. У них свои знаменитости, у нас – свои.

Вдруг Виктора осеняет:

– Миклухо-Маклай!

Лицо собеседника наконец оживилось.

– Это Берег Маклая... Вы – местный?...

В это время на этаж заходит Пиакор Йоркамана, и папуа-

сик, желая поскорее отвязаться от посетителя, почти кричит:

– Мисс Пиакор, к вам посетитель!

Это было первой неожиданностью для Виктора – Пиакор была совершенно не похожа на студентку Океании из его молодости. Изящные формы тела и правильные, красивые черты лица, что не свойственно папуаскам, будто рисовал талантливый художник, со вкусом и фантазией. В глазах, которым позавидовала бы любая фотомодель, утонул бы любой молодой ловелас... Но Виктор был «пловец» со стажем, и его жизненный опыт не позволил ему захлебнуться в эмоциях. «Отож...» – в мозгу пронеслось только его любимое слово.

– Что вам угодно? – девушка смотрела прямо сквозь журналиста, будто разговаривала не с ним, а с вешалкой у двери.

– Здравствуйте! Виктор Лавров, Украина. Телеканал...

Девушка, не дав договорить, легким кивком головы пригласила Виктора за собой. Обескураженный украинский репортер не глядя взял у офис-менеджера документы – удостоверение журналиста – и пошел вслед за звездой папуасского экрана: «Если она еще и такая же умная, то ты влип, журналист...»

У Пиакор отдельный кабинет в NEWSROOM с дешевыми циновками на окошках вместо жалюзи. В кабинете на стене триптих неизвестного художника: свинья с рогами, свинья с хоботом и просто свинья. В памяти всплыли египетские боги с головами животных, индуистские символы в доисторических храмах, затейливые изразцы Мачу-Пикчу... Но почему

все-таки свинья?

– Это духи Папуа? – Лавров посмотрел на Пиакор, но той было не до него. Она что-то быстро набирала на клавиатуре компьютера.

Виктор продолжил изучение кабинета. В углу, в напольной вазе, надетая на древко копья, висела диадема из перьев казуара. От такой экзотики в своем кабинете не отказался бы ни один европейский бизнесмен. Лавров живо представил себе генерального продюсера Максима Радуцкого с его самодовольной физиономией в этой диадеме и с копьем: «Сколько мы с тобой изъездили, Витя...» Но хватит, пора бы и к делу. Виктор решительно подошел к столу Пиакор. Здесь ежедневник, степлер, стикеры прекрасно уживались с какими-то бусами, четками, амулетами... Вместе с ручками в подставке стоял тонкий кусок щепки, похожей на нож.

– А это что?

Пиакор, пряча бамбуковый нож в столешницу, бледнеет (чернокожие, когда бледнеют, становятся пепельного цвета) и, не ответив на вопрос Виктора, задает ему встречный:

– Вы журналист?

«Здравый смысл абонента выключен или находится вне зоны действия».

– Нет, знаете, престижитатор! Неужели вы думаете, что я летел за двенадцать с половиной тысяч километров, чтобы посмотреть на свинью с рогами? – Лавров кивнул на триптих. – Простите, что так поздно пришел...

Пиакор смущенно опустила глаза.

– А вы не поздно, вы вообще зря, у меня сейчас совершенно нет времени... Нужно готовить эфир.

– Давайте определимся сразу – я вам нужен для ровного счета или для полного счастья?

– Вы где остановились?

– В отеле «Кроун Плаза».

– Я предлагаю встретиться вечером в ресторане вашего отеля. Поужинаем и все обсудим.

Пиакор первый раз посмотрела прямо в глаза Виктору. Все-таки не зря говорят, что успех сопутствует красивым, – Лавров растаял.

– Л-ладно...

Женщина всегда знает, чего хочет, но редко понимает за-чем. В этот раз Пиакор, надо полагать, пригласила Виктора, просто чтобы на него взглянуть.

«А кофе здесь отменный», – думал Виктор, глядя на пенящуюся шапку волшебного напитка в маленькой турке на горячем песке. Небольшой ларек, стоящий неподалеку от телеканала, будоражил изысканными ароматами весь квартал. На острове кудрявых людей Папуа, названном так с легкой руки португальцев за прически местных жителей, кофе появился благодаря уроженцу Черниговской губернии, ученому-путешественнику Миклухо-Маклаю. Это он в конце девятнадцатого века завез сюда кофейные зерна, впрочем, как

и многое другое: кукурузу, тыкву, арбузы, огурцы. Эх, сколько раз в этом путешествии Виктор будет вспоминать своего знаменитого соотечественника добрым словом! А пока спасибо за кофе, Николай Николаевич.

– С вас пять кина, маста, – проворный мальчуган-продавец протянул Виктору бумажный стаканчик с дымящимся ароматным кофе, и рука журналиста опустилась в карман за бумажником. Стоп! А это что?

В руке у Лаврова удостоверение личности... какого-то папуаса. Виктор повернулся и посмотрел в сторону гипотетического офиса на четвертом этаже...

– А разве это не ваше? – уже знакомый нам папуасик выпучил и без того большие глаза.

– Я что, по-вашему, похож на этого?... – Виктор внимательно читает вслух: – ...Олу Эспиноза?

Пришлось срочно вернуться на телеканал.

– Здравствуйте, я из Украины!

– А чего это вы уже с самого порога и угрожаете? – офис-менеджер посмотрел на фотографию папуаса в пропуске и, немного подумав, открыл столешницу, вынул оттуда удостоверение Виктора и начал читать вслух, сбиваясь:

– Ви... Вы... Выктор...

Секунда – и документ был в руках у Лаврова. Туземец даже не понял, как быстро удостоверение перекочевало в руки журналиста.

– Виктор Лавров. Украина. На той стороне Земли. До сви-

дания, – скороговоркой выпалил журналист и быстро вышел из офиса.

Вечерние новости, как и в любой другой стране, начались с интригующей заставки, а сразу же после нее в кадре появилась звезда прайм-тайма – ведущая Пиакор Йоркамана...

Сидя в гостиничном номере, Виктор, как профессионал, отметил для себя умение девушки работать на камеру и прекрасную постановку дикторской речи: «Интересно, где она училась? Для Папуа – крутовато...» От размышления о Пиакор отвлекли местные криминальные новости.

– Второй год не дает покоя полиции банда «рэскол». Очередное ограбление супермаркета в центре Маунт-Хагена произошло минувшей ночью. Из сейфа управляющего, не успевшего сдать выручку в банк, было похищено 150 тысяч кина – это 70 тысяч американских долларов по текущему курсу валют...

Виктор пересчитал деньги. Странное дело, при отъезде в командировку ему не дали даже оператора, пришлось брать свою цифровую камеру «SONY». Радуцкий сказал, что бюджет командировки ограничен, а командировочных Лаврову выдали в несколько раз больше обычного. Львиную долю денег перечислили на карточку. «Это на всякий случай, если меня ограбит банда „рэскол“?» – Виктор всегда с иронией относился к любым загадкам.

По телевизору устами красавицы Пиакор продолжались

новости.

– В полиции заявляют, что незадолго до ограбления супермаркета на окраине Маунт-Хагена трое неизвестных устроили перестрелку с местной преступной группировкой, один человек погиб, четверо ранены и доставлены в госпиталь Порт-Морсби. Среди пострадавших зачинщиков не обнаружено. Теперь уже ни для кого не секрет, что перестрелка была устроена, чтобы отвлечь полицейских от основного места преступления.

– Глупые фараоны. Давай выпьем, Дембитьо, за успех нашего дела.

Молодой человек, лет двадцати пяти, в старых, но дорогих джинсах и ковбойке, поднял фужер с виски в одной из забегаловок пригорода Порт-Морсби. Это был Йов – главарь той самой банды «рэскол», о которой по телевизору рассказывала Пиакор Йоркамана.

Его собеседник, может быть чуть постарше Йова, гангстер Дембитьо – приятель, партнер и собутыльник. Он не отрывал глаз от телевизора на стене заведения.

– Красивая... А я бы ее... – Дембитьо отвлекается на Йова. – Да, что ты говоришь? Я прослушал.

Йов засмеялся.

– Ты туда смотри! И не на грудь смотри, а слушай!

– Какая красивая пара, – произнес Дембитьо, бесцеремонно разглядывая грудь Пиакор.

– ...Банда «рэскол» орудует в стране уже два года, причем

так профессионально и дерзко, что полиции ничего не остается делать, как развести руками.

Да, Пиакор в очередной раз входила в эфир с репортажем о «подвигах» банды школьных хулиганов. Надо сказать, что из школьного возраста эти «одноклашки» давно вышли. А все начиналось еще в детстве, с мелких краж в школьных раздевалках и вымогательства мелочи у малышей. Затем – избиение бейсбольными битами взрослого дяди – туриста. Это было первое настоящее ограбление, и мальчики вошли во вкус. Воспитатели упустили, полиция – не нашла и не поймала. И вот теперь бывшая уличная шпана выросла в организованную преступную группировку, грабящую магазины, стреляющую в людей и наводящую ужас чуть ли не на полстраны. Чем же можно было обнадеежить зрителей перед телевизорами?

– Пока еще не пойман ни один член преступной группировки...

– ...И не дождетесь! – Йов допил из фужера и достал из нагрудного кармана окурки дорогой сигары. – Что скажешь, Дембитьо? Покажем фараонам, кто в стране хозяин?

Дембитьо, сожалея, что новости закончились, печально вздохнул.

– А я все-таки с ней познакомлюсь...

Йов расхохотался во весь голос.

– Послушай, Дембитьо, она же страшная! На нее если кто и клонет, то разве что европеец...

Дембитью по-мальчишески опустил ресницы.

– А мне нравится...

– Ну, я для тебя ее не украду... – Вдруг глаза Йова заискрились мальчишеским задором. – Слушай, а почему бы и нет?

На словах «почему бы и нет» Дембитью боязливо оглянулся, хоть в кафе никого и не было.

– Йов, не нужно...

– Что не нужно? Или хочешь выйти из игры?

Лицо Йова вдруг резко изменилось – из рубахи-парня он превратился в матерого зверя.

– Ну, смотри у меня! Не посмотрю, что школьный друг...

Дембитью сглотнул ком в горле.

– Да я ничего, Йов, ты... успокойся. Я умру, но никому не скажу ни слова.

Огромная новогвинейская бабочка кофейного цвета влетела в одно из окон забегаловки, сделала крутой вираж и опустилась на барную стойку неподалеку. Она медленно пошевелила крыльями, потом тяжело сорвалась и полетела зигзагами, под потолком, над столами, словно разведчик на вражеской территории. Йов посмотрел на пеструю красавицу и вдруг успокоился, обмяк, сел, откинувшись на спинку стула, подкурил остаток сигары и, сладко затянувшись, продолжил как ни в чем не бывало:

– Ладно... О ближайших планах. Есть у меня на примете одна лавка. Хозяин, старая черепаха, боится связываться

с банками, деньги хранит у себя, где-то тайник... Что скажешь?

Дембитьо, пожав плечами, со свойственной ему медлительностью изрек:

– Ну, я думаю, мы найдем им применение?

Пауза, друзья посмотрели друг на друга и расхохотались...

Вечер, наступивший невероятно быстро, зажег центр столицы тысячью огней. Где-то на побережье дыханием огромного зверя хрипел прибой, и суда, стоявшие на рейде, плавно покачиваясь в лучах лунных бликов, как и много лет назад, будто боялись подойти к дикому берегу, зная, что ждет их там, в глубине джунглей. Но сегодня на берегу раскинулась столица Папуа-Новой Гвинеи – мегаполис местного масштаба, с развитой инфраструктурой, пляжами, отелями, дорогами ресторанами, манящий туристов экзотикой, райской флорой и фауной.

Беспечный гость, гуляющий под звездами Южного полушария, созерцая Южный Крест вместо порядком надоевшей Большой Медведицы, даже не догадывается о другой стороне медали...

Но об этом позднее. Пока наш герой, украинский журналист Виктор Лавров, ожидал встречи со звездой новогвинейского эфира Пиакор Йоркамана в ресторане отеля «Крун Плаза». В большом, но уютном зале было людно. Тро-

пический климат острова позволял принимать гостей круглый год, и бизнес процветал. Об этом говорил дорогой интерьер заведения и живая музыка. На небольшой сцене за роялем сидел чернокожий музыкант и наигрывал что-то до боли знакомое. Автоматические стеклянные двери ресторана то открывались, то закрывались, но Пиакор не было. Виктор взглянул на часы – без одной минуты восемь. Пунктуальность – это когда приходишь на десять минут раньше и потом еще полчаса ждешь ту, которая просила тебя не опаздывать.

– Добрый вечер!

От неожиданности Виктор вздрогнул. Перед ним стояла Пиакор, в деловом костюме, как и подобало ее статусу при встрече с иностранным гостем. Девушка пришла минута в минуту. Точность – вежливость королей. Виктор подавил в себе удивление.

– Всегда появляетесь из вентиляции?

– А вы всегда приветствуете собеседника вопросом?

Вместо ответа Виктор встал и отодвинул стул от стола.

– Благодарю вас.

Лавров сразу понял, что от туземки у Пиакор нет практически ничего, разве только цвет кожи. Девушка лет двадцати пяти вела себя с достоинством, если даже не сказать изысканно. Такое впечатление, что каждое свое движение она продумала заранее.

– Итак, давайте сразу к делу...

– Я за этим и приехал.

– Мне нужен мужчина.

Виктор поднял брови.

– Неужели? А я думал, что у вас с этим все в порядке!

Пиакор не обратила внимания на иронию Виктора, продолжая свою речь.

– Мне нужен мужчина, достаточно обаятельный, чтобы был в состоянии войти в контакт с недоверчивыми стариками из лесных папуасов.

– Я отлично вяжу на спицах. И лицевые петли, и изнаночные, могу даже с закрытыми глазами.

Пиакор опять сделала вид, что не заметила издевок Лаврова.

– ...Кроме того, он должен твердо держаться на ногах, чтобы не спасовать перед их агрессивной молодежью.

Виктор не сдавался.

– Стирать подгузники – мое любимое занятие. У меня всегда с собой про запас пару кусочков хозяйственного мыла.

Пиакор, раздувая ноздри, продолжила эту игру.

– ...Мне нужен крепкий парень, который сможет без труда передвигаться по джунглям пешком с рюкзаком и мачете и мастерски щелкать не только затвором фотоаппарата, но и затвором винтовки.

Виктор продолжал испытывать Пиакор.

– Ой, вы знаете, когда гуляю с детьми, у них часто рвутся колготки, но у меня всегда на этот счет есть нитка с иголкой.

Я прекрасно штопаю.

Пиакор выдерживает очередной поток этого бреда и продолжает:

– ...Мне нужен мужчина, который, получив в лоб бамбуковой дубиной, подумает, что это всего лишь приглашение поговорить по душам.

– Оу! Я сам возглавляю клуб любителей поговорить. Долгими вечерами делать нечего, собираемся с друзьями и говорим, говорим... О погоде, о романах Сидни Шелдона и Линды Андерсон, а еще о плетении на коклюшках...

– Хватит! – Пиакор сверкнула глазами. – Я беру вас.

Деловое соглашение можно считать выгодным, если обе стороны убеждены, что обманули друг друга. Ну, это уж слишком! Она берет его! Он давно бы послал подальше эту зазнайку, но, как профессионал, был обязан довести свое дело до конца. И одним из звеньев этой цепочки было сотрудничество с местным телеканалом ЕМ.ТВ. Пиакор же как будто почувствовала, что перегнула палку. Она запнулась, потом поправилась:

– Ну, в смысле... я очень рада, что мы будем сотрудничать.

– Вот и славно. Найти того, кто искал тебя, – это настоящее счастье.

Пиакор вдруг оставила официоз и, улыбнувшись, кивнула головой. Виктор поднял руку, ища глазами официанта.

Немолодой папуас в ливрее засеменял в сторону столика, где сидели журналисты.

Среди шумной толпы посетителей в стороне сидели двое мужчин и, потягивая аперитив, никем не замеченные, спокойно наблюдали за Виктором и Пиакор. Их лица в больших черных очках, при всем желании, не запомнили бы даже профессионалы. Родным языком наблюдателей был английский.

– Кто это?

– Белый.

– Я не идиот! Понятно, что не Майкл Джордан. Я спрашиваю, кто он!

– Он из Европы. Журналист из... не помню названия страны.

– Сейчас это не важно. И эта сучка с телевидения тоже с ним. Все не просто, ох как не просто. Что он тут делает?

– Приехал отдыхать.

– Никогда не поверю. Такие, как он, отдыхают в зале штанги или, на худой конец, на соревнованиях по силовым единоборствам. Надо сообщить шефу.

За ужином Пиакор и Виктор продолжали свою беседу. Экзотическая кухня Лаврова не прельщала. Бифштекс из древесного кенгуру остывал на тарелке. Пиакор же уплетала свою порцию за обе щеки.

– Понимаете, Вик, вы, наверное, думаете, что попали на курорт? Но европейцу здесь, мягко скажем, очень неудоб-

но... То есть даже выйти в город, когда село солнце, – опасно. Тут и местные побаиваются, а вы...

– А я боюсь только бабочек. Они такие красивые, что аж страшно. А они летают днем... – глаза Виктора смеялись.

– Мистер Лэвров, я с вами не шучу...

– Называйте меня, как назвали в прошлый раз, – Вик. Я хоть и мистер, но здесь почему-то не хочется им быть.

– У нас людей убивают иногда просто так, ради забавы, а обычно из-за денег. У нас грабят магазины и жилье и...

Виктор вдруг стал серьезным и перебил собеседницу:

– Пиакор, вы у нас в Украинском государстве не были. Мне криминальные сводки приносят ежедневно. Такое творится... Один только Оноприенко чего стоил – как начнет ходить в гости, так и убьет пару человек, а иногда и целую семью. Спокойно, без криков, без угроз, как будто пришел посмотреть книжки в магазин.

Пиакор на минуту оставила в покое бифштекс, удивленно слушая Виктора. Тот, видя, что девушку это зацепило, продолжал:

– И при этом что делал, подлец. Обычно сначала ранил мужчину – самого сильного в семье. Отстрелит ему ухо или пырнет ножом чуть пониже пупка... Затем на глазах у него, истекающего кровью, убивал жену и детей. – Виктор почему-то посмотрел в тарелку Пиакор на недоеденный бифштекс. – Вы столько кенгуру не съели, сколько он народу убил... Но я тут не за этим. Мне нужен материал о диких

племенах.

– Я осведомлена. – Пиакор продолжила ужин. – Конечно, вам нужен прекрасный научно-популярный материал о тропическом острове в океане. С его флорой, фауной и коренным населением. Я готова, даже пригласила проводника, он должен быть с минуты на минуту. Профессионал экстра-класса...

– Пиакор, вы меня не совсем правильно поняли. Мне нужен материал о людоедах культа Карго.

Пиакор напряглась, ее вилка стала выписывать на тарелке немыслимые узоры.

– Подумайте, Вик, вам это действительно нужно?

Их глаза встретились. Виктор в очередной раз отметил для себя, что природа бывает удивительно талантлива.

– Однозначно!

Пиакор, тяжело вздохнув, кивнула головой, будто сбросила с себя какой-то груз.

– Что ж, прекрасно. Вот, кстати, и проводник пришел, познакомьтесь...

Пиакор, явно расстроенная, отвела глаза в сторону. Виктор оглянулся. Перед ним стоял мужчина лет тридцати, слегка раздобревший, но приятной наружности. Широкий нос и толстые губы не портили его, а скорее наоборот, подчеркивали его принадлежность к местному колориту. Виктор встал и протянул руку.

– Очень приятно. Виктор.

– Виктория, – ответил папуас, пожимая руку Лаврову.

Виктор насторожился. «Вот только этого мне не хватало. Они что, и тут есть?» Виктор никогда не страдал гомофобией, но предпочитал традиционные отношения между мужчинами и женщинами и поэтому к меньшинствам такого рода относился как к чему-то несерьезному, притяннутому извне ради самовыражения.

– Почему у тебя женское имя?

– Досталось от бабушки.

«Хм. Час от часу не легче. Так это у вас семейное? А как же тогда ты родился?» – подумал Виктор и взглянул на Пиакор. Та немного смущенно повела плечами.

– Вик, я забыла предупредить. У нас есть традиция: имя к ребенку переходит после того как...

– ...Имя переходит от очень уважаемого предка или знакомого, – подхватил Виктория.

Виктор нахмурился.

– А почему у бабушки было женское имя?

– Это просто. Неграмотные предки называли бабушку в честь королевы Виктории. Он и сам старшего сына назвал Викторией – традиция.

– Ну, ладно. В конце концов, это не мое дело.

Лавров успокоился. В самом деле, с чего ему допрашивать папуаса с женским именем? Ему же с ним детей не крестить. К тому же Виктор прекрасно помнил из нашей с вами истории, как в 20-е и 30-е годы прошлого века на волне преобра-

зований у детей появлялись загадочные имена. Даздраперма – да здравствует первое мая, Оюшминальд – Отто Юрьевич Шмит на льдине... В общем, мы тоже были папуасами в какой-то степени...

Виктория, как и подобает проводнику, сразу взялся за дело. Он вынул из кармана кожаной жилетки и развернул на столе карту.

– Вот приблизительный маршрут нашего пути...

Двое неизвестных продолжали наблюдать за Лавровым, Пиакор, а теперь уже и за Викторией. Один из них разговаривал с кем-то по телефону.

– Да, шеф... да... И проводника наняли.

Мужчина ненадолго оторвался от разговора, обращаясь к напарнику:

– ...Что это у него, карта?

– Похоже.

– Вот. А ты говоришь – турист. Тут что-то неладное творится. – Затем продолжил в телефонную трубку: – Да... европеец, судя по внешнему виду – простак, похож на зеленого берета и, скорее всего, такой же тупой... Понял... Я вас понял... Есть, сэр. – Мужчина отключил связь и положил телефон в карман. – Сказано взять дело под контроль...

Виктория водил пальцем по старой карте и активно предлагал свои услуги, как хороший продавец рассказывает ко-

леблющемся покупателю о своем товаре.

– Вот здесь, в верховьях реки Фрай, прииск Ок-Теди, ма-ста Вик. Вам понравится, там есть что фотографировать. Во-круг живет племя дигул.

– Дигул? – переспросил Виктор.

– Это племя с белыми лицами. Ну, я потом вам расскажу. Тут много всяких племен, и все они разговаривают каждый на своем языке. Эти языки настолько разные, что соседние племена не понимают друг друга. Так что без меня вам не справиться.

– А ты понимаешь все эти языки?

Виктория кивнул головой совсем как Пиакор. Лавров сра-зу это подметил.

– А вы с Пиакор из одного племени?

– Мы из племени...

Пиакор надула губы, одернув проводника:

– Мы не из племени, мы из Порт-Морсби.

Журналистка явно не хотела отождествлять себя с дикими племенами. Виктора это позабавило, и он засмеялся.

– Ладно, не обижайтесь, я просто так спросил.

Виктория продолжил презентацию своих услуг. Что-то понравилось Виктору в этом немного полном, но крепком парне. Да, понятно, что в этой небогатой стране сотни про-водников, которым надо кормить семьи, и ради этого они го-товы на все, но Виктория не казался пустозвоном. Виктор не один год проработал с людьми и чувствовал, когда его об-

манывают или преувеличивают свои возможности, но этот проводник не врал. Он прекрасно владел английским, а это говорило о его склонности к языкам, да и карандаш его бежал по карте вполне убедительно.

– Я проведу вас по джунглям вокруг Порт-Морсби. Покажу вам деревню Хуанабада – родину государства Папуа-Новая Гвинея... Обогнем столицу с юга и пойдем в горы. Это очень интересно. Мы с вами побываем...

Вдруг Пиакор перебивает проводника:

– Виктория, ты поведешь нашего гостя туда, где живет племя хули.

Проводник тут же осекся. Такое впечатление, что его просто выключили. Воцарилась пауза. Людный ресторан напомнил о себе разноязычными голосами любителей экзотики: английский, испанский, немецкий представляли собой смесь звуков, из которой трудно было вычленить что-либо понятное. Где-то на рояле продолжал играть молодой папуас. Виктора осенило. Он вспомнил мелодию и слова песни...

Стоїть гора високая, а під горою гай...

Он был крайне удивлен услышать такую музыку вдали от родины. Значит, ему не показалось – музыка была украинская.

Тем временем Виктория собрался с мыслями.

– Они очень злые, мистер... вам лучше туда не ходить.

– Ничего, я тоже бываю не очень добрый, особенно когда встречаюсь со злом.

Виктор посмотрел проводнику в глаза. Тот почувствовал, что этот белый знает, что говорит, но все же что-то его оставило.

– Мистер, я-а-а... не знаю, что вам сказать...

– Хорошо! – Виктор решительно перебил папуаса. – Если вы помогаете нам, я плачу вам три тысячи кина.

– Деньги хорошие, но-о-о...

Лавров понимал, что, предлагая Виктории приблизительно чуть больше одной тысячи долларов, сумму очень внушительную для новогвинейского бедняка, он фактически покупает его страх; понимал, что рискует, нанимая человека, которого видит в первый раз, но интуиция, которая не раз выручала его, подсказывала: этот парень ему нужен.

Виктория же закрыл глаза и надул щеки, раскачиваясь из стороны в сторону, как бы думая. Пиакор пыталась что-то сказать проводнику на незнакомом для Лаврова языке, но Виктория поднял руку ладонью к девушке и она замолчала. Наконец он шумно выпустил воздух из надутых щек.

– Обычай моту говорит: доводи начатое дело до конца. Я согласен, мистер.

– Ну вот и хорошо!

«А все-таки я в нем не ошибся, – мысленно сказал сам себе Лавров, пожимая руку своему новому знакомому. – Все

не так уж плохо, да и Пиакор вроде не такая стерва, как показалось сначала...»

Новые компаньоны разлили по фужерам виски, который принес немолодой официант. А юный виртуоз за роялем все продолжал играть.

А молодість не вернеться, не вернеться вона...

Почему-то нетленные песни, над которыми современники подсмеиваются, наиболее трогают за душу вдали от родины. Вот и Виктор, слегка подогретый виски, растрогался и вручил таперу чаевые крупной купюрой. Глаза играющего музыканта широко раскрылись: на крышке рояля лежали 100 кина – это его недельный заработок. Это какая-то ошибка?

Но Виктор не ошибся – мы сильны чаевыми. Здесь, за океаном, понимаешь, что самое дорогое у человека – та земля, на которой родился и вырос, а не дворцы и замки... «А еще лучше дворец или замок у себя на родине...» – Виктора не раз спасала его ирония. Вот и теперь эта мысль помогла ему собраться, он сел на свое место в прекрасном настроении.

Музыкант за роялем продолжал играть, глядя на купюру как замороженный, вдруг... хлоп, на деньги опустилась рука с заскорузлыми пальцами. У рояля стоял администратор, толстый папуас средних лет с надменной улыбкой и глазами навывкате, от чего казалось, что он смотрит в разные стороны.

– Ты ведь недолго у нас работаешь, правда?

Администратор отвернулся и, пряча деньги в нагрудный карман рубашки, вразвалочку пошел по своим делам. Музыкант вдруг прекратил играть, поднялся и побежал за жадным начальником, подскочил к нему, молниеносно выхватил купюру из нагрудного кармана наглеца, вернулся и опять сел за рояль. Администратор оторопел от такого поворота событий. Он подошел к молодому пианисту и поднял его за шиворот. Парень вывернулся и, щелкнув дядю по лбу, сделал шаг назад. Толстяк раздул ноздри. На шарпейском лбу заходили складки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.